

Ф.Г. Жарский

Ростов Николай Ильич

Персонаж романа-эпопеи Л.Н. Толстого «Война и мир», граф, сын богатого московского графа Ильи Андреевича Ростова и графини Натальи, живших в «большом, всей Москве известном доме... на Поварской», младший брат Веры и старший брат Наташи и Пети Ростовых. Впервые мы знакомимся с ним на обеде в доме Ростовых по случаю именин графинь матери и дочери. Это красивый «невысокий курчавый молодой человек с открытым выражением лица», на котором «выражались стремительность и восторженность». Он студент, но мечтает о военной карьере, к которой «чувствует призвание», и потому бросает университет и идет в военную службу, когда в 1805 году началась война Наполеона против Австрии и России. Его друг Борис Друбецкой благодаря хлопотам влиятельной родни поступает в армию уже офицером гвардии, а Николай, за которого «некому похлопотать», — юнкером. Николай полон патриотических чувств. «Я убежден, — говорит он на обеде у Ростовых, — что русские должны умирать, умирать или побеждать».

Николай влюблен в троюродную сестру Соню, живущую в доме Ростовых. «Соня! Мне весь мир не нужен! Ты одна для меня все», — горячо признается он любимой. Николай «переписывает ей стихи, в первый раз сочиненные им».

Из описания обеда у Ростовых узнаем о музыкальности Николая. «По просьбе гостей» он спел с Наташей, Верой и Соней квартет “Ключ”, который всем очень понравился; потом Николай спел вновь выученную им песню: «В приятную ночь, при лунном свете...»

Толстой постоянно подчеркивает лучшие душевные качества Николая. Так, в письме Жюли княжне Марии Болконской о нем сказано: «В молодом человеке... столько благородства, истинной молодости, которую встречаешь так редко в наш век между нашими двадцатилетними стариками! У него особенно так много откровенности и сердца. Он так чист и полон поэзии...»

В гусарском Павлоградском полку, куда Николай поступил юнкером, он совершенно счастлив. «Друг сердечный», «дружок» обращается он к вестовому с просьбой выводить лошадь, «с тою братскою веселой нежностью, с которою обращаются со всеми хорошие молодые люди, когда они счастливы». Такие же отношения у него с хозяином дома, где Николай находится на постое. Вот как пишет Толстой об их мимолетной встрече: «Хотя не было никакой причины к особенной радости ни для немца, вычищавшего свой коровник, ни для Ростова, ездившего со взводом за сеном, оба человека эти с счастливым восторгом и братской любовью посмотрели друг на друга, потрясли головами в знак взаимной любви и, улыбаясь, разошлись — немец в коровник, а Ростов в избу, которую занимал с Денисовым».

И все же суровая действительность жизни, в которую окунулся Николай, нарушает гармонию безоблачного счастья, созданного романтическими представлениями юноши, выросшего в атмосфере благополучия, взаимной дружбы и уважения, царивших в семье Ростовых. Он разоблачает офицера Телянина, укравшего у Денисова кошелек с деньгами, и с отвращением швыряет ему отобранный было кошелек («Если вам нужда, возьмите...»). Конфликт этот получает продолжение. Прямодушный Николай обвинил офицера-вора публично. Командир полка, заботясь о престиже части, обвинил Николая во лжи. По закону дворянской этики Николай вызвал командира на дуэль. «...Да, я не дипломат. Я затем в гусары и пошел, думал, что здесь не нужно тонкостей, а он мне говорит, что я лгу...» — объясняется он с офицерами полка, уговаривающими Николая извиниться перед

командиром. Поняв правду офицеров, Николай со слезами на глазах признает свою «вину», но категорически отказывается извиняться. «Господа, все сделаю, никто от меня слова не услышит... но извиниться не могу, ей-Богу, не могу, как хотите! Как я буду извиняться, точно маленький, прощения просить?»

Впервые оказавшись в бою, Николай «имел счастливый вид ученика, вызванного перед большою публикой к экзамену, в котором он уверен, что отличится. Он ясно и светло оглядывался на всех, как бы прося обратить внимание на то, как он спокойно стоит под пулями». В ответ на одобрительный оклик и улыбку командира эскадрона Денисова Николай «почувствовал себя совершенно счастливым». Участвуя в выполнении эскадронного приказа зажечь мост, «он боялся... как бы ему не отстать... бежал, стараясь только быть впереди всех... у самого моста... споткнувшись, упал на руки». На мосту Николай остановился в растерянности, «не зная, что ему делать. Рубить... было некого, помогать в зажжении моста он тоже не мог, потому что не взял с собою, как другие солдаты, жгута соломы. Он стоял и оглядывался». Неприятель стал обстреливать гусар картечью. Со стоном падали раненые. В этот миг смертельной опасности Николай увидел окружающую прекрасную природу, воду Дуная, небо, монастырь, ущелья, сосновые леса, где «тихо, счастливо». «Ничего, ничего бы я не желал... ежели бы я только был там, – думал Ростов. – Во мне одном и в этом солнце так много счастья, а тут... стоны, страдания, страх и эта неясность, эта поспешность... Вот опять кричат что-то, и опять все побежали куда-то назад, и я бегу с ними, и вот она, вот она, смерть, надо мной, вокруг меня... Мгновенье — и я никогда уже не увижу этого солнца, этой воды, этого ущелья...» «Господи Боже! Тот, кто там в этом небе, спаси, прости и защити меня!» – прошептал про себя Ростов.

Когда опасность миновала, он тяжело переживает свое состояние («...я трус, да, я трус») и радуется, что этого «никто не заметил». «Действительно, никто ничего не заметил, потому что каждому было знакомо то чувство, которое испытал в первый раз необстрелянный юнкер».

Вскоре Николай опять участвует в бою и здесь надеется «изведать наслаждение атаки, про которое он так много слышал от товарищей-гусаров». «Ох, как я рубану... Попадись теперь кто бы ни был», – думает он. Но действительность оказалась проще, будничнее и драматичнее мечты. Под Николаем в атаке убило лошадь, его ранило в левую руку, французские солдаты приближались к нему, чтобы пленить или убить. Все это кажется молодому человеку, почти мальчику, дурным сном. «Кто они? Зачем бегут? Неужели ко мне? Неужели ко мне они бегут? И зачем? Убить меня? Меня, кого так любят все?» Николай спасся тем, что «схватил пистолет... и бросил им в француза и побежал к кустам, что было силы... с чувством зайца, убегающего от собак».

Через некоторое время восторженный юноша преобразается в бледного гусарского юнкера, одной рукой поддерживающего другую, раненую. Во время отступления армии Николай просит капитана Тушина посадить его на орудие. «Ради Бога, я не могу идти. Ради Бога!» Николай «уже не раз просился где-нибудь сесть и везде получал отказы». И только капитан Тушин приказал посадить Раненого юнкера на орудие, с которого сложили мертвого офицера. «Лихорадочная дрожь от боли, холода и сырости трясла все его тело. Сон непреодолимо клонил его, но он не мог заснуть от мучительной боли в нывшей и не находившей положения руке», – так описывает Толстой состояние Николая. Не получив медицинской помощи, испытывая тяжелые физические страдания на ночном привале, чувство ненужности и одиночества, вспоминая любящую мать, заботу семьи, теплый дом, он думал: «И зачем я пошел сюда!»

Однако все закончилось благополучно. В середине зимы Ростовы получили письмо от Николая. «В письме был кратко описан поход и два сражения... производство в офицеры...» Письмо вызвало восхищение матери: «О себе ничего!.. О каком-то Денисове... Ничего не пишет о своих страданиях. Что за сердце!.. И как вспомнил всех! Никого не забыл». Николай награжден уже солдатским Георгиевским крестом.

Толстой постоянно сравнивает Николая с его сверстником и другом Борисом, и это сравнение всегда в пользу Николая. Если он при встрече с Борисом рассказывает «о своих гусарских кутежах и боевой жизни», то Борис — «о приятности и выгодах службы под командою высокопоставленных лиц». Николай бросает под стол «рекомендательное письмо к князю Багратиону», посланное старой княгиней сыну, чтобы тот им воспользовался. Он не хочет ни к кому идти в адъютанты, называя эту должность лакейской, тогда как Борис, по его словам, «желал бы, и очень, попасть в адъютанты, а не оставаться во фронте», ибо, «уже раз пойдя по карьере военной службы, надо стараться сделать, коль возможно, блестящую карьеру».

Вместе с тем и Николай не идеализирован. Так, рассказывая друзьям о Шенграбенском деле, он изобразил его «так, как красивее было рассказывать», но совершенно не так, как оно было. «Ростов был правдивый молодой человек, — замечает автор, — он ни за что умышленно не сказал бы неправды. Он начал рассказывать с намерением рассказать все, как оно точно было, но незаметно, невольно и неизбежно для себя, перешел в неправду... Рассказать правду очень трудно, и молодые люди редко на это способны». Тем более что друзья ждали именно такого рассказа и правдивому они бы не поверили.

Николай наделен и тонкостью, и душевной чуткостью. Во время встречи с Андреем Болконским и ссоры с ним, едва не кончившейся вызовом, в его душе вместе с озлоблением строевика к адъютанту возникло «уважение к спокойствию этой фигуры». После стычки он «с удивлением чувствовал, что из всех людей, которых он знал, никого бы он столько не желал иметь своим другом, как этого ненавидимого им адъютанта». Очевидно, и Болконский почувствовал в Николае человека содержательнее и благороднее других, ибо остался в стычке с ним сдержанным и спокойным, не дав разгореться ссоре.

На смотре австрийских и русских войск Николай, «стоя в первых рядах кутузовской армии, к которой к первой подъехал государь, испытывал... чувство самозабвения, гордого сознания могущества и страстного влечения к тому, кто был причиной этого торжества». При приближении Александра на расстояние в двадцать шагов «он испытал чувство нежности и восторга... Всякая черта, всякое движение — казалось ему прелестно в государе». «Ежели бы ко мне обратился государь! — думал Ростов. — Я бы умер от счастья». «Как бы я счастлив был, если б он велел мне сейчас броситься в огонь». Именно в такую минуту, увидев Андрея Болконского в свите императора, Николай решил не вызывать его. «Стоит ли думать и говорить про это в такую минуту, как теперь? В минуту такого чувства любви, восторга и самоотвержения, что значат все наши ссоры и обиды?! Я всех люблю, всем прощаю теперь», — думал Ростов. Это чувство любви ко всем и является преобладающим в характере Николая на всем протяжении романа. Порой это чувство выливается в парадоксальную форму. Ростов видит императора, который, «склонившись набок, грациозным жестом держа золотой лорнет у глаза, смотрел в него на лежащего ничком, без кивера, с окровавленной головою солдата. Солдат раненый был так нечист, груб и гадок, что Ростова оскорбила близость его к государю».

На дружеской пирушке, через три дня после смотра, Николай предлагает «тост за здоровье государя, но не государя императора, как говорят на официальных обедах... а за здоровье государя, доброго, обворожительного и великого человека...» В ответ на шутку Денисова («на походе не в кого влюбиться, так он в царя влюбился») Николай крикнул: «Денисов, ты этим не шути, это такое высокое, такое прекрасное чувство, такое...»

«Он действительно был влюблен и в царя, и в славу русского оружия, и в надежду будущего торжества... Девять десятых людей русской армии в то время были влюблены, хотя и менее восторженно, в своего царя и в славу русского оружия».

Последующее участие Николая в войне выявляет в нем опытного воина. Он командует конной разведкой, на которую вызывается у Багратиона сам, и производит ее тщательно, преодолевая искушение поехать безопасной дорогой, подвергаясь обстрелу. Доложив результат разведки Багратиону, он просит его о прикомандировании к первому

эскадрону, поскольку его эскадрон «назначен в резервы». Багратион оставляет Николая при себе ординарцем. Для Николая это назначение отнюдь не возможность сделать карьеру, а надежда участвовать в бою и, если повезет, продемонстрировать свою преданность царю. «Завтра, очень может быть, пошлют с каким-нибудь приказанием к государю, – подумал он. – Слава Богу!»

Так и случилось. Багратион шлет Николая с поручением к главнокомандующему или государю. В сумятице поражения и бегства русских войск он встречает Александра «посреди пустого поля» в жалком состоянии, не решавшегося перепрыгнуть на лошади канаву. Деликатность Николая не позволяла ему подступить в такой момент к государю («Я как будто рад случаю воспользоваться тем, что он один и в унынии. Ему неприятно и тяжело может показаться неизвестное лицо в эту минуту печали, и потом, что я могу сказать ему теперь, когда при одном взгляде на него у меня замирает сердце и пересыхает во рту? – думает Николай. – Нет, решительно я не должен подъезжать к нему, не должен нарушать его задумчивость...»).

Помощь государю оказал другой офицер, а Николаю осталось лишь раскаиваться в своей излишней щепетильности.

В начале 1806 года Николай приехал домой в отпуск. «Соне минуло уже шестнадцать лет». Дома Николай «был очень счастлив любовью, которую ему выказали». Отношение к Соне он определяет для себя так: «Я ни в чем не беру назад своего слова... И потом, Соня такая прелесть, что какой же дурак станет отказываться от своего счастья?» И в то же время он не готов к женитьбе на ней. «Теперь столько еще других радостей и занятий!.. Надо оставаться свободным», – решает он. «В это короткое пребывание Ростова в Москве, до отъезда в армию, он не сблизился, а, напротив, разошелся с Соней... Он был в той поре молодости, когда кажется так много дел, что некогда этим заниматься, и молодой человек боится связываться — дорожит своей свободой, которая ему нужна на многое другое».

Пережив душевные потрясения, участие в боях, ранение, Николай не утратил романтических и сентиментальных представлений молодости. На обеде в Английском клубе, устроенном графом Ильей Андреевичем Ростовым, «восторженный голос молодого Ростова», кричавшего ура после тоста за здоровье государя императора, «был слышен из-за всех трехсот голосов. Он чуть не плакал».

История взаимоотношений с Долоховым свидетельствует о добром сердце Николая, способного к пониманию и участию. «К великому удивлению своему», он узнает после ранения Долохова на дуэли с Пьером, где Николай был секундантом Долохова, что «этот буйан, бретер... жил в Москве с старушкой матерью и горбатой сестрой и был самый нежный сын и брат». Николай «особенно сдружился с ним во время его выздоровления от ранения». Он ввел Долохова в свой дом, где «завелась в это время какая-то особенная атмосфера любовности» и где он понравился всем, «исключая Наташу», считавшую Долохова «злым и без чувств». «Надо понимать, какая душа у этого Долохова, надо видеть его с матерью, это такое сердце!» – возражал ей брат. А Долохов безжалостно и намеренно обыграл его в карты на сорок три тысячи и пытался торговать у него Соню. Для Николая это было тяжелейшим жизненным уроком. «Ведь он знает, – говорит он сам себе, – что значит для меня этот проигрыш. Не может же он желать моей гибели? Ведь он друг был мне. Ведь я его любил...»

Этот драматический эпизод обнажил и душевную тонкость, и духовное богатство Николая. Слушая вечером после проигрыша прекрасное пение Наташи, он наслаждался ее голосом. «Эх, жизнь наша дурацкая! – думал Николай. – Все это, и несчастье, и деньги, и Долохов, и злоба, и честь, — все это вздор... а вот оно настоящее...» И он, «сам не замечая того, что он поет... взял втору в терцию высокой ноты...» «О, как задрожала эта терция и как тронулось что-то лучшее, что было в душе Ростова. И это что-то было независимо от всего в мире и выше всего в мире. Какие тут проигрыши, и Долоховы, и честное слово!.. Все вздор!..»

Николай признался отцу в проигрыше, считая «себя негодяем, подлецом, который целою жизнью не мог искупить своего преступления. Ему хотелось бы целовать руки своего отца, на коленях просить его прощения, а он небрежным и даже грубым тоном говорил, что это со всяким случается». Когда отец и словом не упрекнул сына и «пошел вон из комнаты», «Папенька! Па... пенька! – закричал он ему вслед, рыдая, – простите меня! – И, схватив руку отца, он прижался к ней губами и заплакал».

Возвратившись из отпуска в свой Павлоградский полк, Николай испытал радость и успокоение, подобные тем, которые чувствует усталый человек, ложась на отдых». Он решил теперь, «чтобы загладить свою вину, служить хорошо и быть вполне отличным товарищем и офицером... что он в пять лет заплатит... долг родителям», беря из присылаемых «по десяти тысяч в год» только две, а остальные «предоставлять родителям для уплаты долга».

Павлоградский полк находился в тяжелом состоянии. Он долго стоял «около разоренной дотла немецкой пустой деревни» без провианта. От голода и болезней полк потерял почти половину людей. «Общее дело войны шло плохо». Однажды Николай нашел в заброшенной деревне «семейство старика поляка и его дочери с грудным ребенком». Он привез их к себе на квартиру и «несколько недель... содержал», чем вызвал насмешки одного из офицеров и ссору с ним, едва не приведшую к дуэли. «Она мне как сестра...» – объяснил Николай свои отношения к польке командиру и другу Денисову. Денисов «ударил его по плечу и быстро стал ходить по комнате, не глядя на Ростова, что он делывал в минуты душевного волнения. — Экая дурацкая ваша порода ростовская, – проговорил он, и Ростов заметил слезы на глазах Денисова».

В 1809 году Николай уже командовал в Павлоградском полку эскадром. Он «сделался загрубелым, добрым малым... был любим и уважаем товарищами, подчиненными и начальством и... был доволен своею жизнью». Письма из дома сообщали о материальном неблагополучии семьи и необходимости его приезда, который Николай все откладывал, хотя и чувствовал, что «рано или поздно придется опять вступить в тот омут жизни с расстройками и поправлениями дел, с учетами управляющих, ссорами, интригами, с связями, с обществом, с любовью Сони и обещаниями ей». Наконец он приехал, стремясь дома навести порядок в хозяйстве, но ему это не удалось, и он «более не вступался в дела», хотя и принял одно из важных и показательных для него решений. «Однажды графиня... сообщила ему о том, что у нее есть вексель Анны Михайловны на две тысячи и спросила... как он думает поступить с ним. “А вот как, – отвечал Николай. – ...Я не люблю Анну Михайловну и не люблю Бориса, но они были дружны с нами и бедны...” — и он разорвал вексель, и этим поступком слезами радости заставил рыдать старую графиню».

Единственное, что по-настоящему захватывает Николая в деревне — псовая охота. Охота помогает ему и сблизиться с сестрой. Именно на охоте испытывает он, может быть, самый большой в своей жизни душевный подъем. «“Только один раз бы в жизни затравить матерого волка, больше я не желаю!” – думал он, напрягая слух и зрение... Он взглянул... направо и увидел, что по пустынному полю навстречу к нему бежало что-то. “Нет, это не может быть!” – подумал Ростов, тяжело вздыхая, как вздыхает человек при совершении того, что было долго ожидаемо им. Совершилось величайшее счастье — и так просто, без шума, без блеска, без ознаменования». После целого дня, проведенного Николаем и Наташей у дядюшки в его деревне, веселого вечера с гитарой, пением и пляской, когда оба ощутили себя очень счастливыми людьми, они дали мысленно характеристики друг другу («Что за прелесть эта моя Наташа! Такого другого друга у меня нет и не будет. Зачем ей выходить замуж? Все бы с ней ездили!» «Экая прелесть этот Николай!» – думала Наташа).

Материальное положение дома Ростовых становилось все хуже. Старый граф Илья Андреевич совсем запутался в делах. «Графиня любящим сердцем чувствовала, что дети ее разоряются... и искала средства помочь делу. С ее женской точки зрения, представля-

лось только одно средство — женитьба Николая на богатой невесте». Она нашла сыну подходящую партию — Жюли Карагину — и стала прощупывать сына, что он думает об этом. Ответ Николая не обнадежил мать: «...Ежели бы я любил девушку без состояния, неужели вы потребовали бы... чтоб я жертвовал чувством и честью для состояния?» Он размышляет по этому поводу: «Оттого, что Соня бедна, так я и не могу любить ее, не могу отвечать на ее верную, преданную любовь?..» Кончилось тем, что Николай «объявил матери о своей любви к Соне и о твердом решении жениться на ней». Родители отказали ему в благословении. В конце концов стараниями Наташи семейный конфликт был приглушен тем, что Николай «получил обещание от матери, что Соню не будут притеснять, и сам дал обещание, что он ничего не предпримет тайно от родителей». Он уехал в полк с твердым намерением выйти в отставку, «приехать и жениться на Соне».

В 1811 году Николай получил письмо из дому о болезни Наташи и о разрыве ее с князем Андреем. В письме просили его выйти в отставку и приехать домой. Но «открытие кампании задержало Ростова и помешало ему приехать».

Он произведен был в ротмистры и «весь предался удовольствиям и интересам военной службы». 13 июля полку «пришлось быть в серьезном деле». «Теперь он не испытывал ни малейшего чувства страха... Он выучился управлять своей душой перед опасностью. Он привык, идя в дело, думать обо всем, исключая того, что, казалось, было бы интереснее всего другого, — о предстоящей опасности». В один из моментов сражения Николай интуитивно ощутил необходимое время атаки, когда она может иметь успех, и без команды сверху «выскакал вперед эскадрона, и не успел он еще скомандовать движение, как весь эскадрон, испытавший то же, что и он, тронулся за ним». Преследуя противника, Николай, впервые ударив саблей человека, ранил французского офицера. «В то же мгновение, как он сделал это, все оживление Ростова вдруг исчезло». Он «скакал... испытывая какое-то неприятное чувство, сжимавшее ему сердце, что-то неясное, запутанное, чего он никак не мог объяснить себе, открылось ему взятием в плен этого офицера и тем ударом, который он нанес ему». И лестные слова начальника, и обещание награды не устранило этого неприятного чувства. Ему было «все так же неловко и чего-то совестно». Весь этот и следующий день Николай был «молчалив, задумчив и сосредоточен... неохотно пил, старался оставаться один и о чем-то все думал». «Так только-то и есть всего то, что называется геройством? И разве я это сделал для отечества? И в чем он виноват?.. А как он испугался!.. За что ж мне убивать его? У меня рука дрогнула. А мне Георгиевский крест...» — размышляет Николай.

Но «колесо счастья по службе... повернулось в его пользу... Его выдвинули вперед... дали ему батальон гусаров и, когда нужно было употребить храброго офицера, давали ему поручения».

Во время отступления русской армии в глубь страны, когда имение Болконских Богучарово находилось «между двумя неприятельскими армиями», а богучаровские мужики взбунтовались и не выпускали княжну Марью из имения, случайно оказавшийся здесь в поисках провианта Николай освободил княжну и помог ей выехать. За короткое время романтической встречи княжна Марья сумела увидеть, что «он был человек с высокой и благородной душой... Его добрые и честные глаза с выступившими на них слезами... не выходили из ее воображения». Подобное же впечатление осталось и у Николая. Оба успели полюбить друг друга. «Мысль о женитьбе на княжне Марье с огромным состоянием не раз против его воли приходила в его голову... Женитьба на ней сделала бы счастье графини — его матери, и поправила бы дела его отца; и даже — Николай чувствовал это — сделала бы счастье княжны Марьи». Но эти мысли омрачались словом, данным Соне.

Николай «без всякой цели самопожертвования, а случайно, так как война застала его на службе, принимал близкое и продолжительное участие в защите отечества и потому без отчаяния и мрачных умозаключений смотрел на то, что совершалось». «Ежели бы у него спросили что он думает о теперешнем положении России, он бы сказал, что ему думать

нечего, что на то есть Кутузов и другие... и что, должно быть, драться еще долго будут... и ему не мудрено года через два получить полк».

За несколько дней до Бородинского сражения Николай был командирован в Воронеж за лошадьми для дивизии. В командировке у него «все ладилось и спорилось». В Воронеже он вновь встретился благодаря стараниям светских дам с княжной Марьей, жившей после отъезда из Богучарова у тетки. Николай «увидел ясно, как будто он знал всю ее жизнь, всю ее чистую духовную внутреннюю работу... ее страдания, стремление к добру, покорность, любовь, самопожертвование» — все, что «светилось теперь в этих лучистых глазах, в тонкой улыбке, в каждой черте ее нежного лица». Он был убежден, что она «совсем особенное и необыкновенное существо». И вместе с тем Николай не стал высказывать свои чувства княжне Марье, ибо это было бы, как считал он, подлостью по отношению к Соне. «И он знал что подлости никогда не сделает». При втором свидании с княжной Марьей в Воронеже Николай «был поражен той особенной, нравственной красотой, которую он в этот раз заметил в ней». Эта встреча «засела ему глубже в сердце, чем он этого желал... Он впервые пожалел: «Отчего я не свободен, отчего я поторопился с Соней?» Он невольно стал сравнивать обеих девушек и увидел «бедность в одной и богатство в другой тех духовных даров, которых не имел Николай и которые потому он так высоко ценил». «“Да я и не люблю ее, – открылось ему вдруг. – Боже мой! выведи меня из этого ужасного, безвыходного положения!” – начал он... молиться». И тут же счастливым образом «то, о чем он... молился... было исполнено». В полученном им письме от Сони было сказано, что она отрекается от его обещаний и дает ему полную свободу.

Кончина графа Ильи Андреевича была причиной отставки Николая и возвращения его домой из Парижа, где он находился со своим полком. Через месяц после смерти графа выяснилось, что «долгов у семьи вдвое больше, чем имения». Но Николай не отказался от наследства, ибо видел в этом «укор священной для него памяти отца», а принял его «с обязательством уплаты долгов». Пришлось продать «имение с молотка» за полцены, взять у зятя (Пьера Безухова) тридцать тысяч и, несмотря на «отвращение к статской службе», снять «любимый им» военный мундир и найти место в Москве, поселившись с матерью и Соней на маленькой квартире. На свое жалованье Николай должен был «содержать себя, Соню и мать... и содержать мать так, чтобы она не замечала, что они бедны».

«Положение Николая становилось все хуже и хуже». Откладывать из жалованья не удавалось, он «должал по мелочам». В то же время «мысль о женитьбе на богатой наследнице... была ему противна». Именно потому он сдерживал свои чувства к любимой девушке. И все же любящие люди нашли пути друг к другу. Произошло решительное объяснение, нашлись нужные слова. «Нет, я не один этот веселый, добрый и открытый взгляд, не одну красивую внешность полюбила в нем, – говорила себе княжна Марья. – Я угадала его благородную, твердую, самоотверженную душу».

Осенью 1814 года Николай женился на княжне Марье и с женой, матерью и Соней переехал на житье в Лысые Горы — имение Болконских. Он удачно повел хозяйство, уплатил все долги и «вел переговоры о выкупе отцовского Отрадного, что составляло его любимую мечту». Николай пристрастился к хозяйству, и оно «сделалось для него любимым и почти исключительным занятием».

«Главное орудие» в хозяйствовании для него был работник-мужик, представлявший-ся ему «не только орудием, но и целью и судьей». Николай «учился у мужиков и приемам, и речам, и суждениям о том, что хорошо и что дурно. И только тогда, когда понял вкусы и стремления мужика, научился говорить его речью и понимать тайный смысл его речи, когда почувствовал себя сроднившимся с ним, только тогда стал он смело управлять им, то есть исполнять по отношению к мужику ту самую должность, исполнение которой от него требовалось. Он «всеми силами души любил народ и его быт и потому только понял и усвоил себе тот единственный путь и прием хозяйства, которые приносили хорошие

результаты». «Все, что он делал, было плодотворно: состояние его быстро увеличивалось; соседние мужики приходили просить его, чтобы он купил их, и долго после его смерти в народе хранилась набожная память об его управлении».

«С женой он сходил все ближе и ближе, с каждым днем открывая в ней душевные сокровища». В его доме шла «нерушимо правильная жизнь».

Вполне определенной и твердой была и политическая позиция Николая, высказанная им в споре с зятем Пьером Безуховым: «...Тайное общество — ...враждебное и вредное, которое может породить только зло». Он исходил при этом из этического принципа: «долг и присяга выше всего». «Ты говоришь... — заявляет он Пьеру, — что присяга условное дело, и на это я тебе скажу: составь вы тайное общество, начни вы противодействовать правительству, какое бы оно ни было, я знаю, что мой долг повиноваться ему. И вели мне сейчас Аракчеев идти на вас с эскадроном и рубить — ни на секунду не задумаюсь и пойду. А там суди, как хочешь». Княжна Марья поддержала мужа, дополнив его слова важным мотивом. «...Он забывает, — говорит она о Пьере, — что у нас есть другие обязанности ближе, которые сам Бог указал нам, и что мы можем рисковать собой, но не детьми». К 1820 году у Николая с княжной Марьей уже двое детей: сын Андрей и дочь Наташа. К тому же они воспитывают Николеньку — сына Андрея Болконского. Время не меняет их чувств. Княжна Марья «чувствовала покорную, нежную любовь к этому человеку, который никогда не поймет всего того, что она понимает, и как бы от этого она еще сильнее, с оттенком страстной нежности, любила его». «Боже мой! что с нами будет, если она умрет...» — тревожился Николай и молился за жену.